

Содержание

<i>Д. В. Сичинава. Предисловие к переизданию</i>	7
--	---

Предисловие	13
--------------------------	----

Глава первая

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Язык как предмет для размышлений	15
Всегда ли есть связь между словами, сходными внешне	17
Внешняя форма слова изменяется во времени	22
Вольные игры со звуковым составом слова	28
Фантазии о значениях слов	34
Примеры любительских лингвистических построений	39
Любительский подход к именам собственным	41
Любительское прочтение древних текстов	44
Фантазии об истории	46

Глава вторая

ЛИНГВИСТИКА ПО А.Т. ФОМЕНКО

Можно ли изучать историю, не используя гуманитарных методов	51
<i>Любительская лингвистика как орудие перекройки истории</i>	
Можно ли опираться на Фукидида без филологического анализа	56
Чудеса с языком и географией	61
Любительские поиски происхождения слов	68
«Отмена» целых языков	84

<i>Тезис о вселенской фальсификации</i>	
<i>письменных памятников</i>	
Как подделать летописи	85
Как изобрести латынь	94
Как подделать берестяные грамоты	98
Всемирный заговор фальсификаторов	102
«Династические параллелизмы».....	108
Заключение.....	118

Глава третья

ПРИНЦИПЫ ПОЛЕМИКИ ПО А.Т. ФОМЕНКО

Как отвечать, ни на что не ответив.....	123
Математическая непреложность «нового учения» есть фикция	131

Глава четвертая

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В БОРЬБЕ С НАУКОЙ

Очередное произведение любительской лингвистики	137
Конспект мировой истории по А.Т. Фоменко	140
Отрицание науки лингвистики.....	148
Любительская лингвистика в действии	152
Борьба с наукой	160

ДОПОЛНЕНИЯ

О «Велесовой книге»	169
Истина существует	196
<i>Литература</i>	203

Предисловие к переизданию

Книга А. А. Зализняка, которую читатель держит в руках, — о псевдонаучных сочинениях, использующих связанные с языком аргументы, но не обязательно посвященных лингвистике как таковой. Как правило, их цель — пересмотр истории, но претендующая на лингвистическую аргументация является в них одной из базовых, если не главной. В российских книжных магазинах они обычно занимают именно полки отдела «История», в то время как в отделе «Языки», если он вообще есть, стоят всё же сочинения, остающиеся в рамках науки. Критикуя псевдонаучные тексты со стороны профессиональной лингвистики, Зализняк также популярно излагает основы лингвистической науки и сравнительно-исторического языкознания, которые остаются незаслуженно малоизвестными в обществе (в отличие, скажем, от основ физики или биологии).

Историки лингвистических учений называют тексты, которым посвящена книга Зализняка, «фантастической лингвистикой»; используется также понятие «(псевдо)научный миф». Андрей Анатольевич Зализняк с присущим ему тактом назвал эту область словесности «любительской лингвистикой», воздержавшись, по крайней мере в названии, от более уничижительных характеристик. Впрочем, как-то ему полушутя возразили, что настоящий любитель (как и «дилетант», слово с такой же внутренней формой в итальянском) — это скорее не антоним профессионала, не воинствующий невежда, а прежде

всего тот, кому его занятие интересно, кто получает от этого удовольствие, — и Андрей Анатольевич согласился. Кажется, эти черты его личности — удовольствие от занятий лингвистикой, от лингвистических открытий, от ювелирных тонкостей науки и неотрывно связанные с этим удовольствием шоковые ощущения от топорного «медвежьего» подхода людей, ничего о лингвистической науке не знающих, — во многом объясняют, почему появились работы, собранные в этой книге.

В биографии А. А. Зализняка было два периода, когда он занимался псевдонаучными сочинениями о лингвистике. Впервые он выступил как критик таких построений в 2000 году — в статье «Лингвистика по А. Т. Фоменко», которая входила в цикл статей профессиональных ученых (математиков, историков, астрономов и других) о «Новой хронологии». А второй период связан с работами 2008–2010 годов, когда Зализняк прочел лекцию «О профессиональной и любительской лингвистике», расширенный текст которой вошел в первое издание этой книги, на Дне науки в МГУ, и отозвался на дальнейшие, не менее разительные (но, по счастью, уже не столь резонансные) «открытия» фоменковцев в области исторической географии. К этому же времени относится и лекция о «Велесовой книге», прочтенная на Летней лингвистической школе и дважды опубликованная автором. Он не включил ее в первое издание этой книги, но мы считаем нужным присоединить ее к циклу работ о научной и ненаучной лингвистике — в ней показано, как полное невежество в лингвистической области приводит к конструированию монструозной подделки и сопровождающего ее антинаучного политического мифа.

И всё же по поводу обоих этих циклов выступлений звучали голоса: зачем такому великому ученому, как Зализняк, спорить с людьми, считающими, что Ашур — это Russia задом наперед? Действительно, адептов и тем более творцов

лженауки переубедить невозможно: их позиция опирается на принципиальное отрицание существующей науки как таковой, что несовместимо с восприятием ее аргументов. А люди с элементарным лингвистическим образованием (увы, практически отсутствующим в школьной программе, и не только у нас, но и в большинстве стран мира) и так не соблазняются рассказами о том, что «этруски — это русские». Неожиданными стали антифоменковские выступления и для тех, кто знал Зализняка лично. Блестящий лектор, умевший «сыграть» на аудиторию, в жизни он был скорее интровертом, избегал любых общественных выступлений, должностей (награды достались ему в основном благодаря стараниям В. А. Успенского, считавшего, что государство должно чтить ученых), да даже и формальным научным руководителем был крайне редко. Почему он решил заняться общественной проблемой, откуда эта страстность по такому, казалось бы, недостойному выдающегося лингвиста поводу?

На вопрос «почему» мы отчасти уже ответили: для Зализняка, как видно из опубликованных после его смерти собственных его записок «Прогулки по Европе» и из воспоминаний о нем, важнейшим мерилom жизни была эстетика. Красота правил и законов — математических, логических, лингвистических. Красота текстов, созданных на языке — будь то берестяных записок или «Ригведы». В той же лекции о «Велесовой книге» (лучше даже не в печатном виде, а в видеозаписи, доступной в интернете) слышно, какую «боль под ложечкой» вызывает у него не только чудовищная мешанина, представленная под видом древнего славянского языка, но и неспособность сочинителя, бездарного еще и в литературном отношении, справиться с правдоподобной стилизацией под древний миф или хотя бы с выражением примитивной мысли. Столь же плоски для глубоко почитавшего математику Зализняка и построения Фоменко: из ложных посылок (собственно, к математике не имевших отношения) вытекала необходимость полного демонтажа, заодно со

всем корпусом письменных источников, еще и всей лингвистики, якобы покаявшейся не на внутренней логике, а только на принятой хронологии. Перед Языком Зализняк серьезно преклонялся — и такое надругательство над его красотой и сложностью (а тем самым и над наукой о языке, и над наукой вообще) было для него непереносимым. Похожие рассуждения есть и в писавшейся как раз между двумя этими выступлениями книге о «Слове о полку Игореве» — критикуемые там работы всё же находятся в рамках науки, но презрительное игнорирование сложности языка как механизма роднит их с «любительскими». А отсюда приходило и осознание общественной ответственности за происходящее.

Гораздо определеннее стал и ответ на вопрос «зачем». Убедить непредвзятого читателя, не знающего ничего о лингвистике, в том, что профессиональная наука права, а «любительская» — нет, всё же можно. Автор предисловия не раз слышал такое от самых разных читателей и слушателей, для которых статьи и лекции Зализняка стали полезным и увлекательным (добавлю — часто еще и очень смешным: тонкий критический сарказм вошедших в эту книгу работ великолепен) введением в науку о языке. А ведь за прошедшие годы, увы, псевдолингвистика никуда не делась: творчество эпигонов Задорнова, Чудинова, Гриневича и других давно поставлено на поток. Конечно, авторы этих работ по-прежнему при помощи блестяще описанных Зализняком приемов (совпадающие, или даже не очень совпадающие, сочетания из трех букв, обратное прочтение и т. п.) доказывают древность своего народа и «скрываемое учеными» повсеместное его распространение на земном шаре. Если речь идет о русских авторах, то пропагандируется исконное величие славянского народа, славянской религии и т. д. При этом ученые открыли и исследуют настоящие памятники древнерусской письменности — например, те же берестяные грамоты; вполне реальны даже уникальные славянские языческие стихи (надписи в Софии Новгородской о «перепелке в

дуброве» и «Якове Югё, жреце воронов»), но подобных авторов эти тексты не впечатляют (если они вообще о них слышали): в них же ничего не говорится о том, как русичи завоевывали Месопотамию и их «обижали» хазарские купцы!

Хронологические мифы, о которых писал Зализняк, уже выходят из моды (хотя как посмотреть — в Ярославле функционирует целый мультимедийный музей «Новой хронологии»). Но на смену им приходят другие, и степень их нигилистической фантастики, всё сильнее приближающейся к нашей эпохе, нарастает, так что Фоменко по сравнению с ними кажется суровым реалистом. Теперь уже не при первых Романовых сочиняются русские летописи, уже не в Средние века придумывают Египет, — оказывается, в середине XIX века (можно сказать, позавчера) не строили Петербург, а откапывали из болот погрузившийся туда античный город: ведь люди того времени построить Исаакиевский собор якобы не могли! Этих версий с «не могли» возникло огромное количество, популярность их растет, и за ними стоит в сущности та же фундаментальная ошибка, что и раньше (столь же губительная для «технаря», что и для гуманитария): игнорирование сложности, механическое уплощение прогресса и истории до сегодняшнего дня и линейной функции. Конечно, эти авторы тоже не могут шага ступить без любительской лингвистики и столь же простодушной логики: едва ли не главным доказательством того, что сравнительно недавно в России был потоп, на полном серьезе предстает... наличие в русском языке слова *допотопный*.

Всё чаще — куда чаще, чем в 1990–2000-е годы — авторы невежественных лингвистических поделок защищают себя при помощи политического доноса: оказывается, автор этимологического словаря русского языка, подвижник науки Макс Фасмер — нацист и тайный враг славян, стоящий на пути смелой мысли (а значит, и все профессиональные этимологи такие же). Чиновники озабочены не тем, чтобы в школе детям

сообщались основы лингвистики, а тем, чтобы защищать слабо понимаемые ими «правила языка» полицейскими методами, выбрасывать заимствования, уничтожать языки меньшинств или отрицать существование языков соседей. Другие чиновники сами воображают себя учеными (мало у кого из них нет диссертации-другой, обычно списанной) и сочиняют «исторические» статьи и книги, обосновывающие отсылками к прошлому, в том числе псевдолингвистическими, экспансию и преступления в настоящем. Такое общественное настроение предельно чуждо зализняковской формуле «истина существует, и целью науки является ее поиск». Наука для него лишь один из фронтов борьбы в мире постправды, где «все врут» и «не всё так однозначно», а критерий научности — не истина, а политическая целесообразность. И изумлявшее Зализняка «бездумное легкоеверие» целевой аудитории псевдоисторических и псевдолингвистических текстов здесь перестает быть безобидным.

Кстати, Андрей Анатольевич никогда не забывал напоминать об огромной потенциальной общественной опасности и пропагандистской востребованности лженауки в условиях неблагоприятного «морального климата». Такие высказывания читатель найдет в этой книге в большом количестве. Зализняк иронически называл, в частности, «Новую хронологию» «новым учением» — с очевидной отсылкой к лженаучному «Новому учению о языке» Н. Я. Марра, пропагандировавшемуся в СССР 1930–1940-х годов. Но сейчас ясно, что общественная роль ученого — противостоять агрессивному безумию — еще актуальнее, чем это представлялось Андрею Анатольевичу Зализняку.

Д. В. Сичинава

Предисловие*

Настоящая книга посвящена явлению, широко представленному в современной популярной и полупопулярной литературе и публицистике, — любительской лингвистике, т. е. непрофессиональному разбору слов и других языковых единиц.

В первой главе («Что такое любительская лингвистика») рассказывается об общих особенностях данного рода занятий и его отличиях от науки лингвистики.

Остальные три главы посвящены разбору одного частного случая использования любительской лингвистики, получившего в России конца XX — начала XXI века довольно значительную известность. Речь идет о сочинениях А.Т. Фоменко, посвященных пересмотру традиционных представлений о мировой истории.

Вторая и третья главы представляют собой опубликованные ранее статьи, в которые внесены небольшие дополнения и редакционные изменения. Это «Лингвистика по А.Т. Фоменко» (впервые опубликовано в сборнике История и антиистория–1 [2000]) и «Принципы полемики по А.Т. Фоменко» (реплика на ответ А.Т. Фоменко на предыдущую статью; впервые опубликовано в сборнике История и антиистория–2 [2001]).

* Текст печатается по изданию: А. А. Зализняк. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Издательство «Русский мир», ООО «Московские учебники», 2010.

Четвертая глава «Любительская лингвистика в борьбе с наукой» — это оценка более позднего этапа учения А.Т. Фоменко, представленного книгой «Старые карты Великой Русской Империи» [2005].

Самой большой и самой важной является центральная глава — вторая. Поскольку первоначально она была единственной, в ней так или иначе затронуты все основные проблемы, связанные с любительской лингвистикой. В трех остальных главах те же проблемы рассматриваются более полно или в более общем плане. Поэтому в них имеются некоторые тематические пересечения с основной главой; специально устранять такие пересечения мы сочли излишним.

Глава первая

Что такое любительская лингвистика

Язык как предмет для размышлений

Для большинства людей язык, на котором они говорят, представляет собой не только необходимый для практической жизни инструмент, но по крайней мере в какие-то моменты также и объект живого бескорыстного интереса.

Люди самых разных жизненных занятий и уровней образования время от времени задаются вопросами, связанными с языком. Чаще всего это вопросы о том, что правильное из тех или иных встречающихся в речи вариантов, например: как правильно — *прóдал* или *продáл*? *волну́ющий* или *волнительный*? *езде, где бы он ни был* или *езде, где бы он не был*? В этих случаях ответы на такие вопросы могут иметь и некоторую значимость для практической жизни.

Но часто возникают и вопросы, так сказать, бескорыстные, порожденные чистой любознательностью.

Что в точности значит, например, слово *альявоватый*? Откуда оно произошло? Когда оно появилось?

Есть ли какая-то связь между некоторыми похожими словами, например, *мятый* и *мята*? или *суд* и *судно*? или *калий* и *кальций*? или *укусить* и *покуситься*?

Каким было первоначальное значение имени *Юрий*? или названия *Москва*? или названия *Украина*? (Заметим, что в этих

случаях обычно спрашивают просто: «Что значит *Юрий* (*Москва, Украина*)?», что́, конечно, неточно, потому что никакого собственного «значения» такие наименования в современном языке уже не имеют; см. об этом ниже, в разделе «Фантазии о значениях слов».)

Школьная традиция, к сожалению, такова, что все такие вопросы остаются за рамками обучения. В школе обучают грамматике и орфографии родного языка и элементам иностранного, но не дают даже самых первоначальных представлений о том, как языки изменяются во времени. И в значительной части случаев этих представлений нет и у людей с высшим образованием, в частности, у школьных учителей. Между тем именно к этой сфере относится множество вопросов, которые вызывают интерес у самых разных людей.

В результате для удовлетворения живого интереса к вопросам, связанным с языком, большинству людей приходится довольствоваться случайными сведениями, которые им довелось прочесть или услышать по радио или телевидению.

Многие же пытаются получить ответы на эти вопросы путем собственного размышления и догадок. При этом значительная часть таких людей даже и не знает, что есть специальная наука, занимающаяся этими вопросами, или во всяком случае над этим не задумывается. Свободное владение родным языком порождает у них ощущение, что все необходимое знание о предмете им тем самым уже дано и остается только немного подумать, чтобы получить правильный ответ.

Так рождается то, что можно назвать любительской лингвистикой.

Нельзя не признать, что часть вины за такое положение вещей лежит на самих лингвистах, которые мало заботятся о популяризации своей науки. В частности, этимологические словари, которые призваны служить основным собранием сведений о происхождении слов, существуют только в научном

варианте, где терминология и аппарат часто оказываются труднодоступными для непрофессионального читателя¹. Напротив, лингвисты-любители подкупают своих читателей внешней простотой своих рассуждений — читателю импонирует то, что, судя по простодушному характеру этих рассуждений, никакой особой хитрости в таком занятии нет и он может и сам в нем успешно участвовать.

Всегда ли есть связь между словами, сходными внешне

Основное содержание любительской лингвистики — это размышления о происхождении слов.

Это занятие чрезвычайно популярное. Многие занимаются им от случая к случаю, одни как бы шутя, другие с большой серьезностью. Журналисты — и не только они — очень любят вставить беглое попутное замечание о происхождении какого-нибудь важного для их рассказа слова². Есть, наконец, и столь увлеченные любители, что они заполняют своими догадками о происхождении слов целые книги.

Тут следует, конечно, учитывать, что сближение двух слов между собой может производиться с совершенно различными целями. Сближения поэтического или игрового характера претендуют только на эстетическую ценность или на эффект остроумия. От них отличаются сближения, претендующие на

1 К сожалению, русские толковые словари, знакомые широким кругам читателей гораздо лучше, чем этимологические, в отличие от популярных толковых словарей западноевропейских языков, сведений о происхождении слов (кроме некоторых заимствованных) не дают.

2 Лингвиста постоянно поражает то, сколь часто подобные «замечания в скобках» о происхождении того или иного слова бывают совершенно неверными (хотя ответ обычно можно найти в этимологическом словаре). При этом не всегда автор выдумывает объяснение сам; часто он берет его из сочинения какого-нибудь лингвиста-любителя.

разгадку истинного происхождения слова. К сфере любительской лингвистики относятся только последние.

Типовой шаг любительских размышлений — предположение о связи (по смыслу и по происхождению) двух слов, частично сходных внешне, и попытка угадать конкретные детали этой связи, например, какое из этих слов возникло на основе другого, как значение одного слова перешло в значение другого и т. п. Сопоставляемые слова могут при этом принадлежать одному и тому же языку или разным, причем как родственным, так и неродственным, как близким, так и отдаленным.

Любитель, натолкнувшись на иностранное слово, которое внешне похоже на некоторое слово его родного языка, обычно реагирует на это как на интересный обнаруженный им факт, за которым непременно должно стоять что-то существенное. Например, заметив, что английское слово *rod* ‘жезл’ (в русской транскрипции — *род*) сходно с русским словом *род*, любитель задумывается: в чем тут дело? не попробовать ли разгадать, какая тут связь?

Он не осознает того, что случаи близкого сходства (или даже совпадения) внешних оболочек каких-то слов из разных языков не составляют ничего исключительного, особенно если слово короткое; напротив, было бы крайне удивительно, если бы их не было.

В самом деле, число фонем³ в любом языке сравнительно невелико — несколько десятков. При этом любитель обычно не вникает в тонкости фонетики иностранного языка, а берет иноязычное слово просто в русской транскрипции; то есть для него все разнообразие звучаний иностранных слов сводится к разным комбинациям из 33 русских букв.

Рассмотрим, например, русские буквенные цепочки, имеющие структуру «согласная + а, о, у, е или и (т. е. одна из

³ Для нашего изложения достаточно считать, что лингвистический термин «фонема» есть просто некоторое уточнение понятия «звук языка».

основных гласных) + согласная». Разных буквенных цепочек такой структуры может быть $21 \times 5 \times 21 = 2205$. Как показывает подсчет, около четверти этих цепочек в русском языке служат внешним выражением какой-нибудь словоформы⁴, например, *кит*, *рук*, *дал*, *вот* (а в случаях омонимии — даже нескольких словоформ, как, скажем, *рой* — существительное и глагол).

Возьмем какой-нибудь иностранный язык, где много слов имеет структуру «согласная + гласная + согласная» (большинство языков именно таково). В русской транскрипции эти слова будут иметь вид описанной выше цепочки. Но в условиях, когда четверть таких цепочек уже «занята» русскими словоформами, практически невероятно, чтобы не произошло никаких совпадений записанных таким образом иностранных слов с русскими словоформами.

Пусть имеется какая-нибудь пара языков, например, такие два родственных языка, как английский и русский. Созвучие английского и русского слов может иметь два принципиально различных источника:

- 1) наличие исторической связи между этими двумя словами;
- 2) случайность.

Первая из этих возможностей имеет два варианта:

1а) историческое родство, т.е. происхождение из одного и того же слова древнего языка, являющегося общим предком взятых языков (для английского и русского таким предком является праиндоевропейский язык);

1б) отношение заимствования (т.е. в нашем случае тот факт, что либо русское слово есть результат заимствования в русский язык именно данного английского слова, либо наоборот).

⁴ Словоформа — слово, взятое в некоторой грамматической форме. Например, у слова *слон* имеются словоформы *слон*, *слона*, *слоны*, *слонами* и т.д.; у слова *брат* — *брат*, *беру*, *берёшь*, *брал*, *брала* и т.д.

Например, в паре «англ. *three* — русск. *три*» имеет место отношение 1а; в парах «англ. *dog* — русск. *дог*» и «англ. *tsar* — русск. *царь*» — отношение 1б (а именно, в первом случае русское слово заимствовано из английского, во втором — наоборот); в паре «англ. *beach* — русск. *бич*» — отношение 2.

Понятно, что чем ближе родство двух языков, тем чаще будут встречаться пары типа 1а. Например, созвучные слова русского и украинского языков в подавляющем большинстве случаев принадлежат именно к этой категории. Напротив, при относительно дальнем родстве (как, например, между английским и русским) доля таких пар оказывается небольшой. Наконец, в случае неродственных языков вариант 1а вообще отсутствует.

Для нашего разбора существенно то, что практически всегда имеются пары типа 2 — даже в случае неродственных языков.

Приведем еще некоторые примеры, где между созвучными словами нет никакой исторической связи. Вот несколько английских слов, русская транскрипция которых совпадает с некоторым русским словом: *bob*, *bog*, *beg*, *buck*, *book*, *bitch*, *beach*, *beech*, *bleak*, *bread*; ср. русские *боб*, *бог*, *бег*, *бак*, *бук*, *бич*, *блик*, *бред*. Их значения, разумеется, совсем другие, чем у созвучных русских слов, но совпадения значений в данном случае и не требуется. Ясно, что это лишь маленькая часть английских слов, обладающих данным свойством, — читатель сам может продолжить этот ряд, полистав английский словарь, и без особого труда увеличить его, скажем, в десять раз.

Конечно, внешние совпадения чаще всего отмечаются в тех случаях, когда сравниваемые отрезки короткие. Но могут совпадать и более длинные единицы. Например, не имеют никакой исторической связи с созвучными русскими словоформами итальянские *stradali* ‘дорожные’, *costi* ‘цены’, *cervi* (*ce* = *че*) ‘олени’, *certi* ‘некоторые’, *gusto* ‘вкус’, *piano* ‘тихо’, *porca* ‘свинья’, *tasca* ‘сумка’, *perina* ‘маленькая груша’, *palata* ‘полная лопата (чего-либо)’, французские *cabane* ‘хижина’, *morose*

‘угрюмый’, *corolle* ‘венчик’, испанское *primer-o* ‘первый’, новогреческое *skotina* ‘потемки, мрак’, шведское *skotska* ‘шотландка’, арабские *nawāl* ‘дар, даяние’, *zawāl* ‘закат, гибель’, *naḥḥāl* ‘пчеловод’, хинди *nagar* ‘город’, персидское *baran* ‘дождь’, турецкие *kulak* ‘ухо’, *durak* ‘остановка’ (последнее слово привлекло внимание Иосифа Бродского, который обыграл его в своем эссе о Стамбуле).

Приведенные примеры демонстрируют возможность совпадения целых слов (точнее, целых словоформ). Но представляют интерес также и те случаи, когда созвучны не целые словоформы, а только их корни. Корни же, в отличие от слов, не бывают особенно длинными. Практически в любых языках корень слова обычно состоит из трех-пяти фонем; как более короткие, так и более длинные корни малочисленны. Число корней может быть в разных языках различным, но чаще всего это величина порядка двух-трех тысяч.

В этой ситуации даже в рамках одного и того же языка практически всегда бывают случаи внешнего совпадения разных корней. Например, в русских словоформах *пол* ‘настил’, *пол-овина*, *пол-ый*, *про-пол-ка* представлено четыре разных (различающихся по значению) корня, хотя и совпадающих внешне.

А при сравнении разных языков случайные созвучия корней разных языков — это уже массовое явление, особенно если корень состоит из широко распространенных в языках мира фонем. Возьмем, например, корень русских слов *мен-а*, *мен-ять* и посмотрим, нет ли в других языках созвучных корней, т. е. таких, которые в русской транскрипции выглядели бы как *мен-* или *мэн-*. Оказывается, таких корней не просто много, а трудно найти язык, где такого корня не было бы! Вот некоторые примеры (приводим из каждого языка лишь по одному такому корню, хотя часто их бывает несколько): англ. *man* ‘человек’, *men* ‘люди’, франц. *il mène* ‘он ведет’, нем. *Mähn-e* ‘трива’, итал. *men-o* ‘меньше’, швед. *men-a* ‘думать, полагать’, литовск. *mėn-uo* ‘месяц’, древнегреч. μέν-ω ‘остаюсь’, санскритск. *men-ā*

‘самка’, перс. *tān* ‘я’, араб. *tān* ‘кто’, турецк. *теп* ‘запрет’, фин. *теп-нä* ‘идти’, венг. *tép* ‘жеребец’, суахили *теп-а* ‘презирайте’; и т. д. И при этом по данным лингвистики никакая пара из этих корней не имеет между собой исторической связи⁵.

Приведенные примеры достаточно ясно показывают, что, вопреки неистребимой вере лингвистов-любителей, внешнее сходство двух слов (или двух корней) само по себе еще никоим образом не является свидетельством какой бы то ни было исторической связи между ними. Ответить на вопрос о том, есть ли такая связь или нет, можно только с помощью квалифицированного лингвистического анализа, который требует привлечения несравненно более широких сведений, чем просто внешний вид двух сравниваемых слов, а именно, обширных специальных знаний об истории обоих рассматриваемых языков.

Внешняя форма слова изменяется во времени

Главное, чего катастрофически не хватает лингвистам-любителям, — это понимание, хотя бы в самых общих чертах, того, как язык изменяется во времени. Например, любитель обычно представляет себе наших предков тысячелетней или двухтысячелетней давности говорящими просто по-русски, т. е. в общем так же, как нынешние русские.

Между тем историческая лингвистика давно установила, что в ходе истории любого языка происходят постепенные изменения на всех его уровнях — в фонетике, грамматике, значениях слов. Скорость этих изменений в разных языках

⁵ Это не значит, разумеется, что такой связи в подобных случаях не бывает вообще. Например, шведское *tän* ‘люди’ родственно английскому *теп*, венгерское *теппи* ‘идти’ родственно финскому *теппä*. Просто в данный список мы такие примеры не включали — нам было важно показать, что имеется сколько угодно случаев чисто случайных внешних совпадений.

и в разные эпохи различна, но неизменным не остается ни один язык.

Желая связать по смыслу два внешне сходных слова, лингвист-любитель практически всегда берет их просто в том виде, в котором они существуют в современном языке.

В действительности же в ходе истории слова могут менять свой внешний облик чрезвычайно сильно — вплоть до полной неузнаваемости. Вот для наглядности несколько примеров⁶.

Латинское *calidus* ‘горячий’ превратилось во французском языке в *chaud* [ʃo].

Латинское *capillus* ‘волос’ превратилось во французском языке в *cheveu* [ʃəvø].

Древнеанглийское *hlāfweard* (букв. ‘хранитель хлеба’) превратилось в современном английском в *lord* [lɔ:d] ‘лорд’.

Древнеиндийское *bhavati* ‘он есть’ превратилось в хинди в *hai*.

Древнеперсидское *ariyānām* ‘арийцев’ (родит. падеж множ. числа от *ariya* ‘ариец’; подразумевается: земля, страна) превратилось в современном персидском в *iran* ‘Иран’.

Как можно видеть, древняя и новая формы одного и того же слова иногда могут даже не иметь ни единого общего звука.

При этом, однако, важнейшее обстоятельство состоит в том, что во всех приведенных примерах имели место не какие-то случайные индивидуальные смены звуков, а совершенно закономерные (для соответствующих языков и соответствующих эпох) и последовательно реализованные в языке в целом

⁶ Поясним, что для рассматриваемых слов (или их частей) мы приводим, как это принято в лингвистике, их письменную форму курсивом, их фонетическую транскрипцию (т.е. запись звучания) — в квадратных скобках, их значение — в одинарных кавычках (‘ ’). Приблизительное значение некоторых знаков фонетической транскрипции: [š] — ш; [č] — ч; [ɔ] — открытое о; [ø] — немецкое ö; [ə] — нейтральная гласная; двоеточие после гласной или черточка над гласной — знаки долготы.

фонетические изменения. Таков общий принцип фонетических изменений, имеющий основополагающее значение для всей исторической лингвистики.

Например, эволюция, превратившая латинское *calidus* во французское *chaud* [ʃo], — это следующая цепочка сменяющих друг друга во времени форм данного слова (приводим их в фонетической транскрипции):

[kálidus] → [káldus] → [kald] → [čald] → [čaud] → [šaud] → [šod] → [šo].

Превращение древнеперсидского *ariyānām* в персидское *iran* — это [ariyānām] → [airānām] → [ērānām] → [ērān] → [īrān] → [iran].

Существенно здесь прежде всего то, что каждый из шагов такой эволюции — это фонетическое изменение, совершившееся не в одном лишь данном слове, а во всех словах данного языка, где подвергавшийся изменению звук находился в такой же позиции. (Что значит «такая же позиция», в каждом случае определяется вполне строго, но здесь эти технические детали нет необходимости приводить.) Например, [kálidus] превратилось в [káldus] в силу того, что в данном языке всякое безударное *i* в положении между двумя одиночными согласными в определенный исторический момент выпадало. Далее, [káldus] превратилось в [kald] в силу того, что в некоторый более поздний момент всякое конечное *-us* отпадало; и т. д.

Это требование всеобщности любого фонетического изменения (в данном языке в данный период его истории) составляет главное отличие профессионального изучения истории языка от любительского.

Для любителя примеры вроде приведенных выше — это просто свидетельство того, что фонетический состав слова может со временем очень сильно изменяться и что чуть ли не любой звук в принципе может перейти в любой другой. Это вдохновляет его на то, чтобы при размышлении над любым заинтересовавшим его словом смело предполагать, что

это слово произошло от какого-то другого, пусть даже сильно отличающегося по фонетическому составу. Почему бы не предположить, например, что *флот* — это видоизмененное слово *плот*? или что *Тверь* — это видоизмененное слово *табор*? Ведь бывают же самые разные фонетические переходы, так почему бы и не эти?

Если лингвист-любитель кое-что на эти темы читал или слышал, то он иногда может даже сослаться на какие-нибудь известные ему конкретные примеры, которые, как ему кажется, говорят в пользу его версии. Например, он может вспомнить, что по-латыни ‘отец’ — *патер*, а по-немецки — *фатер*: вот и пример перехода *п* в *ф*! Или он заметит, что по-английски *alphabet*, а по-русски *алфавит*: вот и пример перехода *б* в *в*!

В отличие от любителя, профессиональный лингвист, проверяя эти предположения, немедленно задастся вопросом: имели место в истории русского языка общий переход *п* в *ф* (или *пл* в *фл*)? общий переход *б* в *в* (или общий переход сочетания *таб* в *тв*)? И сразу же получит ответ, что ни одного из этих общих переходов в русском языке не было: например, никаких изменений не испытали слова *плавать*, *плоский*, *табак*, *табун* и т.д. (не говоря уже о том, что сохранились без изменений и сами слова *плот*, *табор*). Тем самым обе эти вольные гипотезы будут отвергнуты.

Что же касается любительских аргументов с *патер* — *фатер* и *alphabet* — *алфавит*, то лингвист немедленно их отведет, указав, что первый вообще не имеет отношения к русскому языку, а второй недействителен потому, что в русский язык слово *алфавит* пришло не из английского языка, а из греческого, в котором в соответствующем слове уже было *в*.

Из сказанного выше понятно, что профессиональный лингвист, если он хочет найти, например, для французского слова *chaud* родственное ему слово в некотором другом языке *L* (тоже развившемся из латыни), не подыскивает с этой целью

в языке *L* слова, звучащие сходно с [šo] (или даже [šod] или [šaud]). Он ищет слово, которое должно было получиться по правилам фонетических изменений языка *L* из первоначального [kálidus]. Вообще, исследуя происхождение некоторого слова, лингвист всегда рассматривает самую раннюю из зафиксированных в письменной традиции форм этого слова.

Напротив, лингвист-любитель этого принципа совершенно не соблюдает (да обычно просто и не может его соблюсти, поскольку не имеет необходимых знаний). Как мы уже отмечали, он берет для своих сравнений слова непосредственно в той форме, в которой они существуют сейчас, и уже по одной этой причине в значительной части случаев приписывает одинаковое происхождение двум словам ошибочно.

Вот яркий пример, который приводит знаменитый французский лингвист Антуан Мейе: на первый взгляд кажется очевидным родство французского *feu* ‘огонь’ и немецкого *Feuer* ‘огонь’. Однако в действительности они происходят из слов, не имеющих между собой ничего общего: французское слово — из латинского *focus* ‘очаг’ (с начальным *f* из более раннего *bh*), немецкое — из древневерхненемецкого *fûir* ‘огонь’ (с начальным *f* из более раннего *p*).

Примеров подобного рода, когда случайное совпадение внешних оболочек двух слов соединяется со случайным совпадением их значений, мало, но все же они существуют⁷. И в этом нет ничего неожиданного, поскольку, как известно, вероятность того, что маловероятное событие не произойдет никогда, тоже весьма мала. Вот некоторые примеры сходства, за которым не стоит ни отношения родства, ни отношения заимствования, то есть ничего, кроме чистой случайности.

⁷ Заметим, что столь же случайной может быть ситуация, когда при сходном звучании представлены в точности противоположные значения; например, итальянскому *caldo* ‘горячий’ противостоят английское *cold* и немецкое *kalt* ‘холодный’.

Итальянское *stran-o* ‘странный’ и русское *стран-ный* одинаковы по значению и имеют одинаковый корень (но итальянское слово произошло из латинского *extra-neus* ‘внешний, посторонний, иностранный’, от *extra* ‘вне’, а в русском тот же корень, что в *страна, сторона*).

Таджикское *назорат* ‘надзор’ очень похоже на русское *надзор* (но в действительности оно заимствовано из арабского).

Персидское *bād* ‘плохой’ как по звучанию, так и по значению практически совпадает с английским *bad* ‘плохой’.

Основа арабского *rādd-ā* ‘он отдал’ практически одинакова с основой латинского *redd-ō* ‘я отдаю’.

Древнеяпонское *womina* ‘женщина’ очень похоже на английское *woman* ‘женщина’ (пример С. А. Старостина).

Приведем также пример несколько иного рода, когда речь идет о морфемах⁸ одного и того же языка. Родство между русскими словами *кусать* и *кушать* кажется очевидным. Иногда можно даже услышать, как в шутку употребляют первое вместо второго. А между тем историческое языкознание показывает, что в действительности это слова не однокоренные. Гнездо слов *кусать, укусить, откусить, прикусить, раскусить, выкусить, кус, кусок, укус* и т. д. содержит корень, первоначально звучавший как [kɔs-] ([ɔ] — носовое о) — из еще более раннего [konds-], ср. литовское *kāndu* ‘кусаю’. С другой стороны, гнездо *искусить, вкусить, покуситься, искушать, кушать, искус, искусный, искусство, вкус, вкусный* и т. д. содержит корень, звучавший и прежде как [kus-] (из более раннего [kous-]). Праславянский глагол с этим корнем представлял собой заимствование из готского *kausjan* ‘пробовать на

⁸ Для читателей, далеких от языкознания, поясним, что морфема — это значащая часть слова (причем такая, которую нельзя разделить на еще более мелкие значащие части). Частными случаями морфемы являются корень, приставка, суффикс, окончание. Например, в слове *за-пис-к-а* четыре морфемы.

вкус', 'пробовать, испытывать' (которому родственны немецкое *er-kiesen* 'выбирать' и английское *choose*). Соответственно, например, *покуситься* первоначально означало просто 'попробовать, попытаться', *искусный* — '(много) испытанный, опытный', *кушать* — 'пробовать'. Исконная фонетическая разница между корнями [kqs-] и [kus-] непосредственно видна в польском языке, где сохранились древние носовые гласные: ср., например, *kqsać* 'кусать' (*q* — польская форма записи носового *o*) и *kusić* 'искушать'.

Разбор данного круга вопросов будет продолжен ниже в главе 2, в разделе «Любительские поиски происхождения слов». В частности, читатель найдет там сведения о том, как решается в лингвистике проблема заимствований, например, как устанавливается, в каком направлении происходило заимствование.

Вольные игры со звуковым составом слова

Из сказанного выше понятно, что профессиональный лингвист уважительно, с полным вниманием относится к каждой фонеме (соответственно, в письменной форме — к каждой букве) изучаемого им слова. Его гипотеза о происхождении некоторого слова будет признана полноценной только в том случае, если получила удовлетворительное объяснение каждая фонема в его составе. Если хотя бы для одной фонемы (соответственно, буквы) такого объяснения найти не удастся, вся гипотеза либо просто отвергается, либо переходит в категорию не вполне надежных.

Напротив, лингвисту-любителю подобная строгость в оценке своих гипотез совершенно неведома. В частности, говоря о сходстве внешней формы двух слов, любитель никоим образом не ограничивает себя случаями их полного совпадения. Его вполне удовлетворяет приблизительное сходство. Такое

сходство не имеет никакого точного определения и оценивается каждый раз совершенно субъективно. Например, любитель считает вполне допустимым, чтобы вместо требуемого при точном сравнении *б* во взятом им слове выступало *в*, или *п*, или *ф*: вместо конкретной гласной — практически любая другая гласная. При сравнении какие-то буквы он считает возможным отбрасывать, т. е. не принимать во внимание, какие-то другие, напротив, домысливать. Допускается также перемена порядка букв и т. п. Многочисленные примеры всех этих приемов читатель встретит ниже.

В целом отношение лингвиста-любителя к рассматриваемому им слову можно оценить лишь как крайне неуважительное: «не одна буква, так другая — велика ли разница!».

Выше мы видели, что даже при строгом подходе к одинаковости внешней формы сравниваемых слов мы время от времени сталкиваемся со случайными совпадениями, т. е. с такими ситуациями, когда между двумя сходными словами нет никакой исторической связи. При этом чисто внешние совпадения не так уж редки; редки лишь те случаи, когда одновременно совпадают (или близко сходны) и значения.

Ясно, что если при сопоставлениях слов внешнее сходство понимается столь широко и неопределенно, как это принято у лингвистов-любителей, то число случаев, когда между сопоставляемыми словами в действительности нет никакой исторической связи, возрастет в десятки и сотни раз. Это значит, что «сходство в любительском смысле» никоим образом не может служить свидетельством исторической связи двух слов.

В самом деле, почему бы любителю не сопоставить, исходя из наличия широко понимаемого фонетического сходства, например, слова *пилот* и *полёт*, *гроб* и *короб*, *саван* и *зилун*, *сацир* и *задира*, *катер* и *катать*, *кричать* и *рычать*, *гребет* и *скребет*, *шалаш* и *залазь*, и т. д. до бесконечности. В действительности ни в одной из этих пар между словами нет

никакой исторической связи. Иначе говоря, любительский подход к сравнениям слов, может быть, иногда и поможет найти пару оригинальных рифм, но не имеет никакого отношения к проникновению в подлинную историю слов.

Следует также специально отметить невнимание любителей к морфемному составу слова, то есть к его членению на приставку, корень, суффикс, окончание. Лингвист-любитель, загипнотизированный внешним сходством каких-то двух привлекавших его внимание слов, может совершенно не замечать, что сходство возникло совершенно случайно за счет контакта корня с некоторым окончанием (или суффиксом) и мгновенно исчезнет, если взять то же слово в другой грамматической форме. Например, его вполне может заинтриговать сходство между русским *хитришь* и французским *tu triches* 'ты жульничаешь', хотя достаточно взять форму *хитрю*, чтобы от сходства ничего не осталось.

Особое место в операциях, которые лингвисты-любители считают возможным производить над словом, занимает прием, именуемый «обратным прочтением».

«Обратное прочтение» — это попросту прочтение слова задом наперед, например, *рим* вместо *мир*, *налим* вместо *Милан*, *заквак* вместо *Кавказ*, *алут* вместо *Тула* и т. п. Как заверяют нас любители, это то, что легко может случиться, например, с арабом или этруском, поскольку в их письменности слова читаются справа налево. Например, араб якобы видит запись *Тула* и читает ее привычным для себя способом как *алут*. И таким образом якобы может возникнуть новое слово *Алут*, которое и станет употребляться как название города.

Подобный рассказ отражает столь младенческое понимание того, что такое письмо и чтение, что в первый момент просто невозможно поверить в серьезность тех, кто его нам преподносит.

Каким образом вообще араб может увидеть написанное слово *Тула*? Если его записал другой араб, то он сделал это,